

Успешному проведению электрификации во многом способствовало быстрое наращивание энергетических мощностей. В 1956 г. Была сдана Иркутская ГЭС, в 1959 г. — Новосибирская, позднее — Братская, Красноярская. Это обеспечило более быстрые, чем в целом по стране, темпы электрификации железных дорог в Сибири.

С внедрением электрической тяги значительно повысилась эффективность перевозочной работы дорог. Это видно на примере Барабинского отделения Омской дороги, где после электрификации на перевозках было занято 76 электровозов, тогда как при паровой тяге для этой же работы требовалось бы 150 локомотивов. Производительность электровозов была на 97% выше, чем паровозов, оборот вагона ускорился на 95% (*Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Иркутск, 1989. С. 95*).

Электрификация дорог коренным образом изменила труд железнодорожников. На смену отжившим профессиям — паровозный кочегар, котельщик, промывальщик, башмачник — пришли новые: машинист и помощник машиниста электровоза, слесарь по ремонту электрооборудования, оператор, монтер контактной сети и тяговых подстанций. Электрическая тяга значительно улучшила условия труда. Только на Восточно-Сибирской железной дороге, например, было высвобождено 8 500 чел., занятых тяжелым трудом, в том числе 5 200 кочегаров, 875 шлакоуборщиков, 320 котельщиков. С электрификацией на магистрали Сибири пришла автоматика, телемеханика, электроника. Их освоение потребовало подготовки новых кадров — энергетиков, связистов, водителей электровозов, электромонтажников, и т.д. Одновременно производилась реконструкция цехов, депо для ремонта электровозов, сооружались трансформаторные и тяговые подстанции (*Там же. С. 96–97*).

Затраты на электрификацию Транссибирской магистрали окупились за 4 года, а ее перевозочная способность увеличилась в несколько раз. Таким образом, электрификация железных дорог Сибири сыграла исключительно важную роль. Она не только способствовала повышению эффективности работы магистралей, но и коренным образом изменила условия труда и быта железнодорожников.

Р.Б. МИРОНОВ

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ 1950-х гг.

На рубеже 1940–1950-х гг. перед государственными и хозяйственными органами сельских районов Байкальского региона в качестве одной из важнейших ставилась задача повысить жизненный уровень сельских

тружеников. Ведь от его решения во многом зависело моральное состояние личности и психологический климат общества в целом, степень активности человека в трудовой и общественной жизни коллектива. Она предполагала восстановление и превышение довоенного уровня благосостояния на основе увеличения производства, развертывания товарооборота и повышения расходов на жилищное и культурно-бытовое обслуживание населения. Главным средством ее выполнения предполагалось успешное развитие сельскохозяйственного производства и укрепление экономики хозяйств (См.: *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 3. М., 1968. С. 284–289*).

Улучшение материального положения сельских тружеников в дальнейшем возможно было только на основе укрепления экономики хозяйств. Однако для этого в первые послевоенные годы не были созданы условия. Деятельность государственных и хозяйственных органов Байкальского региона по организационно-хозяйственному укреплению колхозно-совхозной экономики не способствовала стабилизации финансового положения сельхозартелей, так как осуществлялась в условиях неэквивалентного обмена между городом и деревней, жесткой централизации хозяйственной жизни.

Большинство сельхозартелей в результате слабости экономики не могло обеспечить высокой денежной и натуральной оплаты. Средняя выдача на трудодень основных продуктов питания и денег в хозяйствах Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР за годы четвертой пятилетки существенно не изменилась. В 1950 г. до 1 кг зерна по Байкальскому региону в целом выдавали 59,2% колхозов, до 1 рубля — 68%. В незначительном количестве некоторые хозяйства распределяли другие продукты сельского хозяйства. Например, в последнем году четвертой пятилетки всего 10,7% сельхозартелей региона выдавали мясо, молоко — 10,6%, овощи — 20,1% (*Кожевникова Л.М. Социальная политика партии в деревне в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Красноярск, 1990. С. 134*). Лишь в отдельных хозяйствах трудодень по тем временам был весьма весомым.

Разница в оплате труда колхозников различных профессий была велика. Лишь трактористы в соответствии с решениями февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) получали гарантированную оплату. Их заработок в 1949 г. на 77% превышал уровень 1940 г. (*Там же*). Порядок оплаты рабочих совхозов и МТС отличался от распределения в колхозах. Они получали гарантированную заработную плату, которая была значительно выше средней стоимости трудодня колхозников, но ниже заработной платы рабочих промышленных предприятий. Так, в 1950 г. среднемесячная заработная плата рабочих совхозов и подсобных предприятий в целом по стране составила 36 р., а рабочих промышленности — 68,7 р. (*Там же. С. 134–135*).

Основным источником обеспечения сельской семьи продовольствием в тот период являлось личное подсобное хозяйство. Больше всего в личных подсобных хозяйствах населения Байкальского региона находилось крупного рогатого скота — в 1950 г. 44,1% голов к общему поголовью (*Там же. С. 135*). По воспоминаниям министра земледелия того времени И.А. Бенедиктова, «от 60 до 90 процентов овощей, мяса, молока, яиц, других видов сельскохозяйственной продукции, за исключением, разумеется, зерна и технических культур, давали именно личные подсобные хозяйства. Они же производили большую часть фруктов, ягод. Кстати, большую часть доходов как в предвоенные, так и в первые послевоенные годы колхозники получали не от общественного, а от своего личного хозяйства» (*Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 56*).

Однако налоговая политика того периода не стимулировала эффективного ведения личного хозяйства. Размер налога начисляли в зависимости от дохода, полученного с каждой головы скота, площади посева культур, количества фруктовых деревьев и пр. Чтобы уменьшить налог, колхозники сокращали поголовье, занимали приусадебные участки менее доходными, но менее облагаемыми культурами. О том, насколько тяжело было содержать домашних животных в условиях их большого налогообложения, свидетельствует настроение крестьянина В.К. Токарева из Заларинского района на рубеже 1940–1950-х гг.: «Через два месяца приходит налог в три раза больше, чем стоит жеребенок. Куда деваться, заплатил. Думал, до конца года рассчитался, оказалось, только за два месяца. Всю родню обобрал, пока рассчитывался: денег-то на трудодни не давали. И так каждый месяц» (*Суворов Е.В. Мы вернемся в деревню: (Очерки разных лет). Иркутск, 2005. С. 110–111*).

В результате жесткой налоговой политики крестьяне сокращали поголовье скота в личных подсобных хозяйствах, составившее в 1950 г. по Восточной Сибири 52,7% к довоенному уровню. Особенно снизилось поголовье свиней, овец и коз. Следует отметить, что в хозяйствах рабочих и служащих региона за это время количество продуктивного скота увеличилось на 22,5% (*Кожевникова Л.М. Указ. соч. С. 135*). Возможно, это было вызвано общим ростом рабочих и служащих города в послевоенный период.

Довольно четко принцип налогообложения крестьянства был сформулирован Е.А. Преображенским еще в 1920-е гг.: «...мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелко-

му производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны» (*Преображенский Е.А. Примитивная аккумуляция // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 357*). В последующие годы это положение не осталось на бумаге, а применительно к послевоенному периоду проявлялось наиболее отчетливо.

Что касается состояния налогообложения в колхозах Иркутской области в начале 1950-х гг., то по годовым отчетам колхозов за 1951 г. обязательные платежи (подходный налог и страховые платежи) составляли 33 731 тыс. р., или 22,8% ко всем денежным доходам колхозов. Фактически было внесено колхозами: подходного налога — 18 935 тыс. р., страховых платежей — (обяз. + добр.) 11 788 тыс. р., прочих налогов и сборов — 394 тыс. р. Всего — 31 117 тыс. р., или 20,4% (*ГАИО, ф. Р-2816, оп. 1, д. 76, л. 260*).

По данным Облфо, по состоянию на 1 января 1952 г. колхозы области по обязательным платежам остались должны государству (недоимка) — 4 275 тыс. р., в том числе по подходному налогу — 3 343,3 р., по страховым и другим платежам — 931,7 тыс. р. Из 38 районов области по подходному налогу не имели задолженности колхозы одного Казачинско-Ленского района. По состоянию на 1 декабря 1952 г. задолженность по подходному налогу за 1951 г. была почти взыскана, а задолженность за текущий год составила 6 751,9 тыс. р. (*ГАИО, ф. Р-2816, оп. 1, д. 76, л. 260*). В передовых колхозах: им. Микояна, «Знамя Ленина» Эхирит-Булагатского аймака, «Парижская коммуна» Тайшетского района, им. Шверника и «17 партсъезд» Боханского аймака — по обязательным платежам задолженности в 1952 г. не было, а прошлогодняя задолженность была погашена. В отстающих колхозах задолженность (недоимка) имела как в 1951 г., так и в 1952 г. Так, в колхозе им. Калинина Тайшетского района задолженность по обязательным платежам на 1 января 1952 г. составляла 10 019 р., а на 1 ноября 1952 г. — 6 050 р. Колхоз им. Сталина Братского района на 1 января 1952 г. был должен по обязательным платежам 21 246 р., на 1 ноября 1952 г. имел недоимку 12 365 р. (*Там же. Л. 261*). По состоянию на 1 января 1952 г. колхозы области были должны за 1951 г.: по долгосрочным ссудам на капиталовложения — 587 тыс. р.; по ссудам сельхозбанка на производственные нужды — 46 тыс. р.; по ссудам Госбанка на производственные нужды — 503 тыс. р. Итого по ссудам они оказались должны 2 110 тыс. р. По состоянию на 1 ноября 1952 г. колхозы имели задолженность по просроченным ссудам — 786 тыс. р., что составило в среднем на колхоз — 1,1 тыс. р. (*Там же*).

Колхозы Иркутской области несвоевременно рассчитывались с государством по денежным платежам и возврату просроченных ссуд, потому что много денежных средств расходовали на производственные нужды, зачастую не предусмотренные прихода-расходной сметой. Много полученных денег от реализации продукции в кассу расходовалось

на производственные и другие нужды помимо Госбанка, а также много средств — на наем рабочей силы со стороны.

После Сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС принимается новый закон о сельскохозяйственном налоге. Для обложения по ранее действовавшему Закону учитывались доходы колхозников и другого сельского населения от огородов, от садов, виноградников, от скота, пчеловодства, шелководства и других источников дохода. Это создавало большую сложность в проведении учета доходов и их обложения. Согласно новому Закону, обложение доходов колхозников и другого населения, занимавшегося сельским хозяйством, производилось только по твердым ставкам с одной сотой гектара земельной площади, независимо от того, какими сельскохозяйственными культурами был занят приусадебный участок. Теперь не учитывались отдельно доходы от посевов сельскохозяйственных культур, садоводства, виноградарства, а также скота, находившегося в личном подсобном хозяйстве. Сумма сельскохозяйственного налога зависела теперь только от размера приусадебного участка. При этом при определении размера налога из общей площади земельного участка исключались земли, занятые постройками, а также кустарниками, лесами, дорогами общественного пользования, оврагами и балками. Ставки налога для той или иной местности устанавливались с учетом использования земельных участков под посевы сельскохозяйственных культур, урожайности, наличия рынков сбыта и размеров схода. Для областей РСФСР, например, средние ставки налога не могли быть ниже 3 и выше 14 р. с одной сотой гектара. Устанавливались также скидки с суммы налога для хозяйств колхозников, рабочих и служащих, не имевших коров, с тем, чтобы такие хозяйства в середине 1950-х гг. обзавелись коровами. Для 1953 г. эта скидка с исчисленной суммы налога была предусмотрена в размере 50%, а для 1954 г. — в размере 30% (*Восточно-Сибирская правда. 1953. 4 сент.*). С 1955 г. эти хозяйства облагались на общих основаниях.

Полностью освобождались от уплаты налога хозяйства колхозников и единоличников: мужчины — 60 лет и старше, женщины — 55 лет и старше, но не имевшие других членов трудоспособной семьи, принимавших участие личным трудом в хозяйстве. Освобождалась от уплаты налога сельская интеллигенция: врачи, учителя, агрономы и другие специалисты. Наряду с уменьшением суммы налога в 1953 г. полностью снимались оставшиеся недоимки по сельскохозяйственному налогу за предыдущие годы.

Вместе с тем, стимулируя увеличение поголовья скота, находившегося в личном подсобном хозяйстве крестьян, а также лучшее использование ими приусадебных участков, новый закон по-прежнему исходил из того, что главной силой колхозов должно было являться их общественное хозяйство. Личные интересы колхозников должны были строго сочетаться с общеколхозными интересами. На этом основании новый Закон

о сельскохозяйственном налоге предусматривал, что для хозяйств колхозников, в которых отдельные члены семьи без уважительных причин не вырабатывали установленного минимума трудодней, исчисление налога производилось с повышением на 50%. Для тех хозяйств колхозников, отдельные члены семьи которых не состояли в колхозе или выбыли из него и не работали по найму, сумма сельскохозяйственного налога повышалась на 75%. Сельскохозяйственный налог с единоличных крестьянских хозяйств исчислялся по ставкам, установленным для колхозников с увеличением суммы налога на 100% (*Там же*).

На основании всего выше изложенного предполагалось, что доходы колхозов и колхозников уже в 1953 г. увеличатся более чем на 13 млрд р., а в расчете на целый год — более чем на 20 млрд р. Кроме этого, в том же году на развитие сельского хозяйства государством были предусмотрены расходы как по государственному бюджету, так и за счет других государственных средств в сумме около 52 млрд р. При этом собственные капиталовложения колхозов на развитие общественного хозяйства составляли не менее 17 млрд р. Общая сумма сельскохозяйственного налога для 1953 г. уменьшалась на 4137 млн р., или на 43%, а для 1954 г. предполагалось ее уменьшение более чем в 2,5 раза по сравнению с 1952 г. (*Там же*).

Таким образом, дав крестьянству определенные послабления в области налоговой политики, государство существенно расширило его возможности уделять большее внимание личному подсобному хозяйству. Вместе с тем эта передышка для колхозников оказалась временной. Государство продолжало делать упор на общественный сектор колхозов, что в дальнейшем определило программу «развернутого строительства коммунизма», вылившуюся на практике в попытку вытеснить приусадебные участки крестьян из экономики полностью, обернувшуюся в итоге потерей продовольственной независимости страны.

А.А. НИКОЛАЕВ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГОСПЛАНА СССР О ПУТЯХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА ОТЕЧЕСТВЕННОГО МАСЛОДЕЛИЯ В КОНЦЕ 1920-х гг.*

Вопрос о состоянии отечественного маслоделия приобрел для политического и хозяйственного руководства страны в конце 1920-х гг. крайне актуальный характер в связи с намечавшейся коллективизацией сельского хозяйства. Что делать с отраслью, которая до революции явля-

* Статья подготовлена по проекту Президиума РАН № 33, направление 2 «Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.».